

Причуда мертвеца

Автор:

Агата Кристи

Причуда мертвеца

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #33

В этой книжке великому сыщику Эркюлю Пуаро придется сначала «поиграть в убийство» на празднике в сельском английском поместье, а затем, когда окажется, что забава с изображением мнимого убийства превратилась в убийство вполне настоящее, раскрыть тайну смерти девушки.

Агата Кристи

Причуда мертвеца

Глава 1

1

Раздался телефонный звонок. Мисс Лемон, расторопная секретарша Пуаро, отложила в сторону блокнот для стенограмм, сняла трубку и безразличным тоном произнесла:

– Трафальгар восемьдесят один тридцать семь.

Эркюль Пуаро откинулся назад в своем кресле и закрыл глаза. В задумчивости он слегка барабанил пальцами по краю стола: он продолжал обдумывать и шлифовать фразы письма, которое диктовал.

Прикрыв рукой трубку, мисс Лемон негромко спросила:

– Может, вы сами ответите, просят из Нассикоума, Девон?[1 - Девон (Девоншир) – графство на юго-западе Англии, на полуострове Корнуолл.]

Пуаро нахмурился. Название места ему ни о чем не говорило.

– Кто спрашивает? – предусмотрительно поинтересовался он.

Мисс Лемон спросила в трубку.

– Аир-райд? – с сомнением произнесла она. – Понятно... Назовите еще раз фамилию.

Она снова повернулась к своему шефу:

– Миссис Ариадна Оливер.

Брови Пуаро взмыли вверх. Сразу вспомнилось: седые всклокоченные волосы... орлиный профиль... Он поднялся и взял у мисс Лемон трубку.

– Эркюль Пуаро слушает, – с достоинством произнес он.

– Мистер Порро лично? – недоверчиво спросила телефонистка.

Пуаро заверил, что это действительно он.

– Соединяю вас с мистером Порро, – произнесла телефонистка, и ее негромкий скрипучий голос сменился таким великолепным мощным контральто, что Пуаро пришлось тотчас отнести трубку дюйма на два от уха.

– Месье Пуаро, так это вы?

– Собственной персоной, мадам.

– Это миссис Оливер. Не знаю, помните ли вы меня...

– Конечно, помню, мадам. Разве вас можно забыть?

– Случается, забывают... – сказала миссис Оливер. – И довольно часто. Не думаю, что я такая уж заметная личность. Впрочем, возможно, это потому, что я вечно что-нибудь вытворяю со своими волосами. Но это я так, к слову. Надеюсь, я вам не помешала, ведь вы всегда ужасно заняты?

– Нет-нет, ничуть.

– Господи, очень не хотела бы нарушать ваших планов, но вы мне чрезвычайно нужны. Вы можете прилететь самолетом?

– Я не пользуюсь самолетами. Меня укачивает.

– Меня тоже. Впрочем, это будет не быстрее, чем на поезде: ведь, кажется, ближайший от нас аэропорт в Эксетере[2 - Эксетер – город на юге Великобритании, административный центр графства Девоншир.], а до него тоже ехать и ехать. Так что поезжайте поездом. В двенадцать с Паддингтона[3 - Паддингтон – вокзал на северо-западе Лондона.] – до Нассикоума, вы вполне успеваете. Если мои часы не врут, что для них вовсе не редкость, у вас еще три четверти часа.

– Но, мадам, где вы? И что там у вас происходит?

– В Насс-хаусе. На станции Нассикоум вас будет ждать машина или такси.

– Но зачем я вам? И что там у вас происходит? – снова спросил Пуаро уже менее сдержанно.

– Телефоны всегда ставят в таких неудобных местах, – сказала миссис Оливер. – Этот находится в холле... Мимо ходят люди, разговаривают... Я еле вас слышу. Так я вас жду. Все так удивятся! До свидания.

В трубке раздались резкий щелчок и тихое гудение.

Пуаро в некотором замешательстве положил трубку и пробормотал что-то себе под нос. Мисс Лемон, державшая карандаш наготове, монотонно повторила прерванную звонком фразу:

– «...позвольте заверить вас, дорогой сэръ, что высказанное вами предположение...»

Пуаро отмахнулся от «высказанного предположения».

– Это была миссис Оливер, – сказал он. – Писательница Ариадна Оливер. Вы, наверное, читали ее детективные романы... – Он осекся, вспомнив, что мисс Лемон читает только серьезные книги и к подобному чтиву относится с презрением, считая его посягательством на истинную литературу. – Она хочет, чтобы я немедленно отправился в Девоншир, через... – он бросил взгляд на часы, – через тридцать пять минут.

Мисс Лемон возмущенно подняла брови.

– Времени у вас в обрез, – сказала она. – К чему такая спешка?

– Спросите что полегче! Мне она ничего не сказала.

– Вот странно. Почему?

– Почему... – задумчиво произнес Пуаро, – потому что боялась, что ее подслушают. Она довольно ясно дала мне это понять.

– Ну и ну... – возмутилась мисс Лемон, всегда готовая встать на защиту своего патрона. – Дела, люди ждут! Подумать только, чтобы вы неслись сломя голову из-за чьего-то сумасбродства! Я всегда замечала, что эти художники и писатели такие неуравновешенные – никакого чувства меры. Я сейчас же пошлю

телеграмму: «Сожалею, не могу покинуть Лондон», а?

Ее рука потянулась к трубке, но Пуаро остановил ее.

– Du tout![4 - Не надо! (фр.)] И будьте добры, срочно вызовите такси. – Он повысил голос: – Джордж! Туалетные принадлежности в мой саквояж! И побыстрее, как можно быстрее! Мне надо успеть на поезд.

2

Сто восемьдесят две мили из двухсот двенадцати поезд неся на предельной скорости, последние тридцать тащился еле-еле, пыхтя и как бы извиняясь, пока не достиг станции Нассикоум. Только один пассажир сошел здесь – Эркюль Пуаро. Он с опаской преодолел зияющую пропасть между ступенькой поезда и платформой и посмотрел по сторонам. Вдалеке, у багажного вагона, возился с вещами носильщик. Пуаро взял свой саквояж и двинулся по платформе к выходу. Он сдал билет и вышел через кассовый зал.

Огромный кузов «Хамбера»[5 - «Хамбер» – тип вместительного легкового автомобиля с удлиненным кузовом.] вытянулся снаружи, шофер в униформе вышел вперед.

– Мистер Эркюль Пуаро? – почтительно спросил он.

Он взял саквояж, распахнул дверцу машины.

Проехав через мост над железнодорожными путями, они свернули на извилистую дорогу, плотно обсаженную высокими кустарниками. Вскоре справа живая изгородь расступилась, и открылся красивый вид на реку и далекие, тронутые туманной голубизной холмы. Шофер съехал на обочину и остановился.

– Река Хэлм, сэр, – сказал он. – А вдали – Дартмур.

Несомненно, требовалось выразить восхищение. Пуаро несколько раз пробормотал: «Magnifique!»[6 - Великолепно! (фр.)] На самом же деле природа

мало волновала его, и слова восхищения могли сорваться с его губ скорее при виде хорошо возделанного огорода. Мимо прошли две девушки, с трудом шагающие вверх по шоссе. Они были в шортах, с тяжелыми рюкзаками, головы их были повязаны широкими пестрыми шарфами.

– Здесь рядом туристский центр, сэр, – пояснил шофер, как видно, взявший на себя обязанности гида Пуаро по Девону. – В Худаун-парке. Раньше он принадлежал мистеру Флетчеру. Потом его купила Ассоциация молодежных туристских центров, и в летнее время там масса народу. Иногда человек сто набирается. Но принимают не больше чем на пару ночей, а потом – иди себе дальше. Тут и парни, и девушки, и большинство иностранцы.

Пуаро задумчиво кивал головой, глядя вслед девушкам. Он уже в который раз убедился в том, что шорты идут далеко не всем представительницам прекрасного пола. Он с болью прикрыл глаза. И почему, ну почему молодые женщины позволяют себе так одеваться? Обгоревшие под солнцем ноги так неэстетичны!

– Ноша у них, видно, нелегка, – пробормотал он.

– Да, сэр. К тому же и от станции, и от автобусной остановки путь немалый. А до Худаун-парка еще добрых две мили. – Он помедлил. – Если вы не против, сэр, мы можем их подвезти.

– Конечно, конечно, – великодушно согласился Пуаро.

Он один в роскошном, полупустом автомобиле, а тут эти две запыхавшиеся, обливающиеся потом женщины, согнувшиеся под тяжестью рюкзаков, женщины, которые не имеют ни малейшего представления о том, как надо одеваться, чтобы быть привлекательными для противоположного пола.

Шофер тронул машину, и она с тихим рокотом остановилась рядом с девушками. Они с надеждой повернули к ним свои испуганные вспотевшие лица.

Пуаро открыл дверцу, и девушки забрались в машину.

– Очень мило, спасибо, – сказала одна из них с иностранным акцентом, блондиночка. – Да, дорога оказалась длиннее, чем я думала.

Другая, с загорелым, покрасневшимся лицом и выбившимися из-под шарфика выгоревшими каштановыми волосами, только кивнула несколько раз головой и пробормотала:

– Grazie.

Белокурая продолжала живо болтать:

– Я приехать в Англию на каникулы, на две недели. Я из Голландия. Англия мне очень нравится. Я уже побывать в Стратфорд-он-Эйвон[7 - Стратфорд-он-Эйвон – город в графстве Уорикшир, место рождения и смерти Уильяма Шекспира, на берегу реки Эйвон находится Королевский Шекспировский театр.], Шекспировский театр, замок Уорик. Потом я была в Клоувли. Уже осмотреть собор в Эксетер, быть в Торки...[8 - Торки – курортный город в Юго-Западной Англии, на южном побережье полуострова Корнуолл.] Очень красиво... Я приехать смотреть здесь известные красивые места, а завтра пройду через реку и буду в Плимут[9 - Плимут – крупный английский порт на южном побережье полуострова Корнуолл. Из Плимут-Хоу (Плимутского Ковша) отправились в Америку первые английские корабли.], откуда было сделано открытие Новый Свет.

– А вы, синьорина? – обратился Пуаро к другой девушке.

Но та только улыбалась и трясла своими кудряшками.

– Она плохо говорить по-английски, – пояснила голландка. – Мы обе чуть-чуть знаем по-французски и говорить в поезде на французском. Она из-под Милан, в Англии у нее есть родственница, замужем за джентльменом, который имеет большой бакалейный магазин. Она вчера приехать с подруг в Эксетер, но отравиться запеченный телячий окорок из какой-то лавки, и ей пришлось остаться в Эксетере, чтобы выздоравливать. Это нехорошо – в жаркую погоду есть запеченный окорок.

Тут шофер остановился, потому что дорога разветвлялась. Девушки вышли, поблагодарили и отправились по дороге, которая вела налево. Нарушив свое

олимпийское спокойствие, шофер с возмущением сказал:

– Опасаться надо не только запеченного окорока! Будьте поосторожней и с корнуоллскими пирогами[10 - Корнуоллский пирог – горячий жареный пирожок с начинкой из мяса, почек, картофеля и капусты.]. Чего только не пихают в эти пироги, а что вы хотите – отпуска!

Он включил двигатель и свернул на правую дорогу, которая вскоре пошла через густой лес. Шофер продолжал излагать свои суждения о молодежи из туристского центра в Худаун-парке:

– Тут есть довольно приятные молодые особы, но никаких элементарных представлений о том, что надо уважать частную собственность, – сокрушался он. – Никак им не втолкуешь, что имение джентльмена – это частная собственность. Все время ходят через наш лес и прикидываются, будто не понимают, что им говорят. – Он уныло покачал головой.

Дорога резко пошла вниз, и после крутого спуска они въехали в огромные железные ворота и далее по подъездной аллее покатали к большому белому дому в георгианском стиле, фасад которого выходил на реку.

Шофер открыл дверцу машины, а по ступенькам уже спешил им навстречу высокий черноволосый дворецкий.

– Мистер Эркюль Пуаро? – спросил он.

– Да.

– Миссис Оливер вас ждет, сэр. Вы найдете ее на Батарейной площадке. Позвольте, я покажу дорогу. – Он направил Пуаро на извилистую лесную тропинку.

В просветах между деревьями внизу поблескивала иногда река. Дорожка плавно шла вниз и упиралась в круглую открытую площадку, окруженную низенькой зубчатой стенкой. На стенке сидела миссис Оливер.

Она поднялась навстречу, и с ее колен упало несколько яблок, раскатившихся в разные стороны. Яблоки были неизменным атрибутом их встреч с миссис Оливер.

– Не понимаю, почему у меня вечно все падает, – произнесла миссис Оливер довольно невнятно, поскольку жевала очередное яблоко. – Как вы поживаете, мистер Пуаро?

– Tr?s bien, ch?re madame, – учтиво ответил Пуаро. – А вы?

Миссис Оливер выглядела несколько иначе, чем в последнюю их встречу, и причиной тому был, как она уже намекнула по телефону, ее новый эксперимент с прической. В последний раз, когда ее видел Пуаро, волосы ее были просто распущены по плечам. Сейчас же они, сильно подсиненные, громоздились мелкими кудряшками вверх – ? la marquise. Но на этом сходство с «маркизой» заканчивалось, все остальное в ее облике могло быть обозначено понятием «деревенская практичность»: пиджак и юбка из грубого твида, ярко-желтые, цвета яичного желтка, и невзрачный горчиный джемпер.

– Я знала, что вы приедете, – радостно заявила миссис Оливер.

– Вы не могли этого знать, – решительно сказал Пуаро.

– И все-таки я знала.

– Я и сам никак не пойму, почему я здесь.

– А я знаю почему: из любопытства.

В глазах Пуаро вспыхнула искорка.

– Возможно, на этот раз ваша знаменитая женская интуиция не увела вас слишком далеко.

– И нечего подшучивать над моей интуицией. Разве не я всегда сразу определяла убийцу?

Пуаро галантно воздержался от ответа. Иначе бы он сказал: «С пятой попытки, может быть, и то не всегда!» Вместо этого он, глядя по сторонам, заметил:

– У вас тут в самом деле восхитительно.

– У меня? Но эти красоты принадлежат не мне, месье Пуаро. Вы думали, это моя земля? Нет-нет, это владения неких Стаббсов.

– Кто они такие?

– О, собственно, обыкновенные люди. Просто богатые, – неопределенно ответила миссис Оливер. – Ну а я здесь работаю, занимаюсь одним дельцем.

– А, понимаю – местный колорит для одного из ваших chef-d’oeuvres?[11 - Шедевров (фр.).]

– Нет, именно то, что я сказала. Я работаю. Меня пригласили организовать убийство.

Пуаро в недоумении посмотрел на нее.

– О нет, не настоящее, – поспешила заверить его миссис Оливер. – Завтра здесь устраивают большой праздник, и в качестве совершенно нового развлечения будет «Найди жертву». По моему сценарию. Понимаете, ну вроде игры «Найди сокровище», только «Найди сокровище» тут уже несколько раз устраивали, и они захотели чего-нибудь новенького. И вот мне предложили хороший гонорар, чтобы я приехала и что-нибудь эдакое придумала. Мне и самой интересно – все-таки свежая струя в унылых писательских буднях.

– И как же это будет происходить?

– Ну, конечно, будет «жертва». И улики. И, естественно, подозреваемые. Все довольно обычно: роковая женщина и шантажист, юные влюбленные и злодей дворецкий. Платите полкроны[12 - Крона – старинная английская серебряная монета; чеканилась с середины XVI в.; равнялась 5 шиллингам, или 1/4 фунта стерлингов.] – и вам показывают первую улику, а вы соответственно должны найти жертву, орудие убийства, сказать, кто убийца, и объяснить мотив.

– Замечательно! – воскликнул Эркюль Пуаро.

Но миссис Оливер удрученно сказала:

– Однако устроить все это гораздо труднее, чем мне поначалу казалось. Я как-то не учла, что живые люди неплохо соображают, не то что мои персонажи.

– Так вы меня вызвали, чтобы я помог вам что-то еще придумать?

– Ну что вы! – воскликнула миссис Оливер. – Конечно нет! С этим я справилась сама. К завтрашнему празднику все готово. Я вызвала вас совсем по другой причине.

– И что же это за причина?

Руки миссис Оливер растерянно взметнулись к голове, чтобы привычным жестом взъерошить волосы. Но тут она вспомнила про свою замысловатую прическу и принялась изо всех сил терзать мочки ушей, чтобы хоть как-то разрядиться.

– Я знаю, что это полный идиотизм с моей стороны, – сказала она, – но мне кажется, что тут что-то не так.

Глава 2

Пуаро пристально посмотрел на нее и, немного помолчав, резко переспросил:

– Что-то не так? И что же именно?

– Сама не знаю... Потому и хочу, чтобы вы во всем этом разобрались. Я все сильнее чувствую, что меня втягивают... во что-то такое... Можете называть меня дурой, но только я не удивлюсь, если завтра вместо инсценированного убийства произойдет настоящее!

Пуаро продолжал недоуменно на нее смотреть, однако она смело выдержала его скептический взгляд.

– Интересная мысль, – пробормотал Пуаро.

– Вы, наверное, действительно считаете меня дурой, – с вызовом сказала миссис Оливер.

– Никогда так не думал, – заверил Пуаро.

– Но я же знаю, что вы всегда говорите по поводу интуиции.

– Не знаю, интуиция ли это, иногда люди по-разному называют одни и те же вещи, – сказал Пуаро. – Я вполне допускаю, что вы заметили или услышали нечто такое, что вызвало у вас тревогу. И возможно, вы и сами не знаете, что конкретно заставило вас встревожиться. Ваше сознание фиксирует только результат воздействия какого-то фактора – то есть тревогу. Если можно так выразиться, вы не знаете, что именно вы знаете. Если угодно, можете называть это интуицией.

– От этой неопределенности чувствуешь себя просто идиоткой, – уныло пожаловалась миссис Оливер, – даже объяснить ничего толком не можешь.

– Ну ничего, как-нибудь разберемся, – обнадежил ее Пуаро. – Вы сказали, что у вас такое ощущение, что вас во что-то втягивают... Вы не могли бы поточнее определить, что вы имели в виду?

– Это довольно трудно... Видите ли, это мое, так сказать, убийство... Я тщательно его спланировала, и все у меня сходилось как надо. Ну и... возможно, вам известно, что писатели не терпят ничьих советов. Кто-то вам вдруг говорит: «Великолепно, но не лучше ли будет, если то-то и то-то сделать так-то и так-то?» Или: «У меня прекрасная идея: пусть жертвой будет А вместо Б». Или: «Пусть убийцей окажется Д вместо Г». Сразу так и хочется рявкнуть: «Хотите так – тогда сами все и пишите».

Пуаро кивнул.

– И вы примерно так им и сказали?

– Ну, не совсем так... После одного дурацкого предложения я вспылила, и они от меня отстали, но все же на несколько тривиальных исправлений я согласилась, поскольку мне удалось отстоять вещи принципиальные. Решила не портить себе нервы из-за мелочей.

– Понятно, – сказал Пуаро. – Да... Это известный прием... Специально предлагают что-нибудь донельзя нелепое, противоречащее здравому смыслу, но на самом деле добиться хотят совсем другого, какого-нибудь незначительного, вроде бы второстепенного изменения, которое и было истинной целью. Вы это хотите сказать?

– Вы поняли меня абсолютно верно, – сказала миссис Оливер. – Конечно, может быть, я просто слишком мнительная... но нет, так оно и есть. И вот ведь что странно: все эти изменения, в сущности, совершенно безобидны. И все-таки мне очень не по себе... Видимо, сама атмосфера так на меня действует...

– Кто вам предложил внести эти изменения?

– В том-то и дело, что несколько человек почти одновременно. Если бы это был кто-то один, я бы чувствовала себя увереннее. Но тут все хитро было обставлено. Я думаю, это вполне определенный человек... И действует он через нескольких ничего не подозревающих людей.

– И кто бы, по-вашему, это мог быть?

Миссис Оливер покачала головой.

– Знаю только, что он очень умен и очень осторожен, – сказала она. – Это может быть кто угодно.

– Но кто именно? – спросил Пуаро. – Ведь круг действующих лиц, вероятно, довольно ограничен?

– Да, конечно, – признала миссис Оливер и начала перечислять: – Сэр Джордж Стаббс, владелец имения. Разбогатевший плебей[13 - Плебей – человек низкого

происхождения. В Древнем Риме плебеями сначала называли одно из сословий свободного населения, не входившее в римскую родовую общину и не пользовавшееся политическими и гражданскими правами.], страшно ограниченный, но в своем бизнесе, я думаю, дока. Затем леди Хэтти Стаббс, лет на двадцать моложе его, довольно красива, но в разговоре не может связать и двух слов, по-моему, у нее что-то не то с головой. Вышла замуж, конечно, ради денег, интересуют ее только наряды и драгоценности. Потом Майкл Уэйман – архитектор, он довольно молод и по-своему очень привлекателен – этакий богемный красавец. Проектирует для сэра Джорджа теннисный павильон и ремонтирует «Причуду».

– «Причуду»? Это еще что такое? Какое-то маскарадное название!

– Это такая небольшая постройка с колоннами, похожая на маленький храм. Вы, наверное, видели нечто подобное в Кью[14 - Кью – городок поблизости от Лондона, в котором находятся Сады Кью, популярное название Королевского ботанического сада. Городок же свое название получил от Кью-хауса, бывшего королевского поместья.]. Еще я не называла Бруис – она у них тут и за секретаря, и за экономку, следит за домом и ведет переписку – строгая и деловая женщина. Теперь те, кто не живет в имении, а просто приходит помогать в устройстве праздника. Молодая пара, снимающая коттедж внизу у реки, Алек Легг и его жена Салли. Капитан Уорбуртон, знакомый Мастертонов. Ну и, конечно, сами Мастертоны. И еще старая миссис Фоллиат. Она живет в бывшем домике садовника. Насс был когда-то родовым имением семьи ее мужа. Но одни умерли, другие были убиты в войнах – остались долги... К тому же надо было платить налог на наследство. В общем, последнему владельцу пришлось продать имение.

Пуаро принял к сведению этот список персонажей, но их имена пока ему ни о чем не говорили. Он вернулся к основному вопросу:

– И кто же придумал эту игру?

– Я думаю, миссис Мастертон. Ее муж – член парламента. Надо сказать, она не лишена организаторских способностей. Это она уговорила сэра Джорджа устроить праздник. Видите ли, долгие годы имение пустовало, здесь никто не бывал, и она считает, что люди готовы даже заплатить деньги, чтобы посмотреть, как оно выглядит.

– Довольно невинная затея, – заметил Пуаро.

– Это только так кажется, – настойчиво твердила миссис Оливер, – на самом деле что-то здесь не то.

Пуаро пытливо на нее посмотрел.

– А как вы объяснили мое появление здесь? – спросил он. – И зачем вы меня вызвали?

– О, это было нетрудно. Вам предстоит вручить приз за лучшее расследование. Сказала, что знакома с вами лично и, наверное, сумею уговорить вас приехать, заверила, что имя ваше привлечет еще больше народу... Думаю, так оно и будет, – дипломатично добавила она.

– И ваше предложение было принято без возражений?

– Все были ужасно заинтригованы.

Миссис Оливер предпочла не упоминать, что кое-кто из молодежи спрашивал: «Эркюль Пуаро? А кто это такой?»

– Все согласились? Никто не возражал?

Миссис Оливер покачала головой.

– Жаль, – вздохнул Пуаро.

– Вы полагаете, это могло бы нам что-то дать?

– Будущий преступник едва ли мог приветствовать мое прибытие.

– Вы все-таки думаете, что у меня просто разыгралось воображение, – удрученно сказала миссис Оливер. – Должна признаться, до встречи с вами я не предполагала, насколько мало у меня убедительных доводов.

– Успокойтесь. – Пуаро улыбнулся. – Я чрезвычайно заинтригован. С чего начнем?

Миссис Оливер взглянула на часы.

– Сейчас как раз время пить чай. Вернемся в дом, и вы сможете со всеми познакомиться.

Она двинулась к тропинке, но не к той, по которой пришел Пуаро. Миссис Оливер почему-то повела его в противоположном направлении.

– Так мы пройдем мимо лодочного домика, – объяснила она.

Вскоре они действительно увидели домик с живописной тростниковой крышей, он стоял у самой воды.

– Здесь будет находиться «труп». Конечно, ненастоящий.

– И кто же будет «жертвой»?

– Одна туристка из Югославии, которая была первой женой молодого ученого-атомщика, – исчерпывающе объяснила миссис Оливер.

Пуаро прищурился:

– И конечно, ваши игроки решат, что ее убил ученый-атомщик, но на самом деле все гораздо сложнее, вы умеете сбить со следа.

Миссис Оливер кокетливо отмахнулась от комплимента.

– Разумеется, атомщик тут ни при чем, это было бы слишком просто. Вас-то ни за что не проведешь, – посетовала она. – На самом деле ее убил местный сквайр[15 - Сквайр – помещик.], и мотив довольно трудно уловить. Не думаю, что многим удастся догадаться, в чем он состоит, хотя в пятом ключе содержится довольно прозрачный намек.

Не вдаваясь более в тонкости замысла миссис Оливер, Пуаро задал практический вопрос:

– Ну и как вы обеспечиваете подходящий труп?

– Это девушка-гид, – сказала миссис Оливер. – Салли Легг собиралась изображать труп, но теперь они хотят надеть на нее тюрбан и сделать гадалкой. Так что будет девушка-гид по имени Марлин Таккер. Все больше молчит да шмыгает носом, – пояснила она, – но все очень просто – крестьянская косынка и рюкзак, и все, что нужно сделать, когда она услышит, что кто-то подходит, – это плюхнуться на пол и накинуть на шею веревку. Довольно скучно будет бедняжке торчать в лодочном домике, пока ее не найдут, но я приготовила для нее целую охапку комиксов, и в одном из них накорябан ключ к поиску убийцы. В сущности, все ведет к одной цели.

– Я очарован вашей изобретательностью! И как только вы все это придумываете!

– Придумывать нетрудно, – сказала миссис Оливер. – Беда только в том, что придумываешь слишком много, и все становится слишком сложным, так что приходится что-то отбрасывать, а это действительно мука. Теперь нам сюда.

Они начали подниматься по крутой зигзагообразной дорожке, которая вела их вдоль реки назад, но уже на более высоком уровне. После поворота они вышли между деревьев на пространство, увенчанное маленьким храмом с пилястрами. Несколько поодаль от него стоял молодой человек в поношенных фланелевых брюках и рубашке ядовито-зеленого цвета и, нахмурясь, смотрел на это строение. Он обернулся к ним.

– Мистер Майкл Уэйман, месье Эркюль Пуаро, – представила их друг другу миссис Оливер.

Молодой человек небрежно кивнул.

– Странные места выбирают люди для построек, – с горечью произнес он. – Вот, например, эта штуковина. Построена примерно с год назад. В своем роде замечательный образчик и вполне гармонирует с архитектурой дома. Но почему именно здесь? Такие вещи предпочтительнее располагать, как говорится, на виду, на зеленом холме, где цветут бледно-желтые нарциссы, et cetera. Но нет –

здешнему эстету взбрело соорудить этот несчастный павильон среди деревьев, которые его целиком загораживают, а чтобы его было видно хотя бы со стороны реки, надо срубить десятка два деревьев, не меньше.

– Возможно, просто не нашлось другого места, – предположила миссис Оливер.

Майкл Уэйман фыркнул:

– А берег на что! Тот, что рядом с домом! Как раз на верхней его точке! Места лучше не придумашь, сама природа позаботилась. А какая там трава! Но нет, эти толстосумы все на один манер, никакого художественного чутья. Как только придет им в голову какая-нибудь блажь, вроде этой вот штуковины, им не терпится скорее ее осуществить. А где строить, как это сооружение впишется в ландшафт, им неважно. Видите ли, у него повалило бурей огромный дуб. И этого осла сразу осенило: «Надо построить на этом месте павильон, он очень украсит ландшафт». Придумать что-нибудь менее пошрое эти городские невежды не в состоянии! Украсит, как же!.. Странно, что он еще не устроил вокруг дома клумбы с красной геранью и кальцеолярией! [16 - Кальцеолярия – растения семейства норичниковых. Травы, полукустарники и кустарники с желтыми, оранжевыми, красными, фиолетовыми цветами.] Таким людям нельзя отдавать в руки подобные имения! Кстати, эту постройку тут называют не иначе как «Причуда».

Речь Майкла Уэймана прозвучала очень горячо.

«М-да, молодой человек явно недолюбливает сэра Джорджа Стаббса», – не преминул заметить про себя Пуаро.

– И стоит эта его замечательная «Причуда» на бетонном основании, – продолжал Уэйман, – но грунт-то под ней рыхлый, и постройка дала осадку. Трещина во всю стену, скоро сюда опасно будет заходить... Лучше снести ее и заново построить на том высоком берегу, у дома. Лично я поступил бы так, но упрямый старый осел не хочет и слышать об этом.

– А что насчет теннисного павильона? – спросила миссис Оливер.

Молодой человек нахмурился еще больше.

– Он хочет что-то вроде китайской пагоды, – произнес он со вздохом. – Драконов ему, пожалуйста! И все потому, что леди Стаббс любит щеголять в шляпах, как у китайских кули. А каково архитектору? Кто хочет построить что-нибудь приличное, у того нет средств, а кто имеет деньги, тот, черт побери, выдумывает что-нибудь ужасное.

– Сочувствую вам, – серьезно сказал Пуаро.

– Джордж Стаббс, – с презрением произнес архитектор. – Что он возомнил о себе? Во время войны пристроился на тепленькое местечко в Адмиралтействе в безопасных глубинах Уэльса и отрастил себе бороду – намек на то, что участвовал в конвоировании транспортов или каких-то иных боевых операциях. Да от него просто воняет деньгами, именно воняет.

– Вам, архитекторам, нужны люди с деньгами, иначе у вас никогда не будет работы, – довольно резонно заметила миссис Оливер.

Она направилась к дому, а Пуаро и удрученный архитектор последовали за ней.

– Эти богачи не в состоянии понять важнейших принципов, – напоследок с горечью произнес архитектор и пнул ногой накренившуюся «Причуду». – Если фундамент плох, то и дому конец.

– Очень верно то, что вы говорите, – сказал Пуаро. – Очень правильная мысль.

Деревья расступились, дорожка вывела их на открытое место, и перед ними открылся белый красивый дом на фоне уходящих за ним по склону вверх темных деревьев.

– Да, он по-настоящему красив, – пробормотал Пуаро.

– А этот глупец хочет к нему пристроить еще бильярдную, – зло бросил Майкл Уэйман.

На берегу, ниже их, небольшого роста пожилая леди подстригала секатором кусты. Увидев их, она поднялась, чтобы поздороваться.

– Очень все запущено, – слегка запыхавшись, сказала она. – А сейчас так трудно найти человека, понимающего что-нибудь в кустарниках. Этот склон в марте и апреле раньше бывал весь усыпан цветами, но в этом году он ужасно меня разочаровал... Все эти сухие ветки следовало обрезать еще осенью...

– Месье Эркюль Пуаро, миссис Фоллиат, – представила миссис Оливер.

Пожилая дама просияла:

– Так вы и есть великий месье Пуаро! Как любезно с вашей стороны, что вы согласились нам помочь. Наша замечательная миссис Оливер придумала такую головоломку... это будет так оригинально!

Пуаро был слегка озадачен светски-любезным тоном пожилой леди. Так обычно держится хозяйка поместья.

– Миссис Оливер моя старая знакомая, – галантно пояснил он. – Я рад, что у меня была возможность выполнить ее просьбу. Тут у вас так красиво, а дом просто великолепный, так и должно выглядеть дворянское поместье.

Миссис Фоллиат небрежно кивнула:

– Да. Он был построен еще прадедушкой моего мужа в семьсот девяностом году. А до этого здесь был дом елизаветинских времен[17 - Имеется в виду конец XVI в., когда Англией правила королева Елизавета I (1558–1603).]. Он обветшал, а в семисотом году сгорел. Наши предки поселились в этих краях в пятьсот девяностом.

Она сообщила все это вполне невозмутимым голосом. Пуаро пристально посмотрел на стоявшую перед ним низенькую коренастую женщину в старом твидовом костюме. Самым примечательным в ее облике были ясные фарфорово-голубые глаза. Они сразу приковывали к себе внимание. Седые волосы были аккуратно собраны под почти незаметной сеткой. Несмотря на очевидное равнодушие к своей внешности и полное отсутствие какой бы то ни было амбициозности, что-то неуловимое, что так трудно бывает объяснить, придавало ей значительный вид.

Когда они вместе направились к дому, Пуаро решился спросить:

– Вам, наверное, трудно смириться с тем, что здесь чужие люди?

Наступила небольшая пауза, но когда наконец прозвучал ответ, голос миссис Фоллиат был тверд и спокоен и до странности лишен эмоций:

– В этой жизни нам со многим приходится мириться, месье Пуаро.

Глава 3

Она же ввела их в дом. Он и внутри был очень хорош, с прекрасно выдержанными пропорциями. Миссис Фоллиат препроводила их в небольшую, со вкусом обставленную малую гостиную, но там они не задержались, а проследовали дальше, в парадную гостиную, где было полно народу и стоял такой гвалт, будто говорили все сразу.

– Джордж, – позвала миссис Фоллиат, – это месье Пуаро, который любезно согласился нам помочь.

Сэр Джордж, громко что-то вещавший, обернулся. Это был крупный мужчина с не слишком ему шедшей бородой и багрово-красным лицом. Из-за этой своей бороды он чем-то напоминал актера, который так и не решил, кого ему играть: сельского сквайра или же неотесанного бродягу из доминиона[18 - Доминион – в Британской империи самоуправляющаяся колония Великобритании. Доминионы имели собственные конституции и правительства, проводили политику, не всегда идентичную политике метрополии, по своему усмотрению организовывали хозяйство и внешнюю торговлю.]. Во всяком случае, на морского волка он точно не походил, решил Пуаро, вспомнив реплику Майкла Уэймана. Держался он как человек чрезвычайно веселый и общительный, но в маленьких светло-голубых глазах затаилась злоба.

– Мы очень рады, – сердечно приветствовал он Пуаро. – Как хорошо, что миссис Оливер уговорила вас приехать. Блестящая идея. Ваше имя наверняка привлечет много людей. – Он чуть растерянно посмотрел вокруг. – Хэтти!

Но на его призыв никто не отозвался.

– Хэтти! – повторил он уже несколько более резким тоном.

Леди Стаббс сидела в большом кресле, стоявшем чуть в стороне. Она откинула назад голову и, по-видимому, не замечала, что происходит вокруг. Время от времени она с улыбкой поглядывала на свою покоящуюся на подлокотнике руку и шевелила кистью, чтобы посмотреть, как играет на свету крупный изумруд, красовавшийся на ее среднем пальце.

Она подняла голову и, как застигнутый врасплох ребенок, сказала:

– Здравствуйте.

Пуаро склонился над ее рукой.

– Миссис Мастертон, – продолжал представлять своих гостей сэр Джордж.

Миссис Мастертон была довольно монументальной дамой и чем-то напоминала ищейку. У нее был крупный, выступающий вперед подбородок и большие печальные, немного воспаленные глаза.

Она поклонилась и продолжила беседу. Голос ее был настолько низким, что Пуаро опять подумал про собаку, теперь уже про лающую.

– Пора прекратить этот бессмысленный спор насчет чайной палатки, Джим, – настаивала она. – Должны же они наконец понять: мы не можем допустить, чтобы все провалилось из-за дурацких женских распрей.

– Конечно, – согласился ее собеседник.

– Капитан Уорбуртон, – произнес сэр Джордж.

Капитан Уорбуртон, в спортивном клетчатом пиджаке, с несколько лошадиным лицом, улыбнулся, оскалив белые зубы, и снова обернулся к миссис Мастертон.

– Не волнуйтесь, я все улажу, – пообещал он. – Пойду и по-отечески с ними потолкую. А вот где поставим палатку гадалки? Около магнолии?[19 - Магнолия – деревья или кустарники с крупными листьями и белыми ароматными цветами.] Или в дальнем конце лужайки, у рододендронов?[20 - Рододендрон – вечнозеленые кустарники или небольшие деревья из семейства вересковых, с белыми и красными цветами.]

– Мистер и миссис Легг, – представил сэра Джордж.

Высокий молодой мужчина с облупившимся от загара лицом широко улыбнулся. Его рыжеволосая веснушчатая жена – весьма симпатичная – дружески кивнула и снова углубилась в полемику с миссис Мастертон. Ее высокое сопрано и низкий лай миссис Мастертон составляли своеобразный дуэт.

– ...У магнолии – мало места.

– ...надо рассредоточить... но если создастся очередь...

– ...намного прохладнее. Я имею в виду, в доме полно солнца...

– ...и кокосовые орехи нельзя метать слишком близко к дому... молодежь так входит в азарт...

– А это, – продолжал сэра Джордж, – мисс Бруис, которая всем у нас тут заправляет.

Мисс Бруис сидела за большим серебряным чайным подносом. Это была худощавая, по виду энергичная женщина лет сорока с приятными живыми манерами.

– Здравствуйте, месье Пуаро, – сказала она. – Надеюсь, вам не слишком досталось в дороге? В поездках в это время года так ужасно. Позвольте, я вам налью чаю. Молоко? Сахар?

– Очень немного молока, мадемуазель, и четыре кусочка сахара. – И пока мисс Бруис занималась выполнением его просьбы, он добавил: – Я вижу, вы тут развили бурную деятельность.

– Да, приходится. В последнюю минуту всегда что-нибудь заметишь. В наше время люди могут подвести вас самым неприятным образом. Шатры, палатки, стулья, все необходимое для питания. Я почти все утро провела на телефоне.

– А как с этими колышками, Аманда? – спросил сэр Джордж. – И с клюшками для часового гольфа?[21 - Часовой гольф – малый гольф с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.]

– Все сделано, сэр Джордж. Мистер Бенсон из гольф-клуба был очень любезен.

Она подала Пуаро его чашку.

– Сандвич, месье Пуаро? Вот помидоры, вот паштет. Но, может быть, – сказала мисс Бруис, вспомнив о четырех кусочках сахара, – вы хотите пирожное с кремом?

Пуаро пожелал пирожное и выбрал себе особенно сладкое и сочное.

Потом, балансируя им на блюдце, он пошел и сел рядом с хозяйкой дома. Она все еще была занята игрой света в камне на ее руке.

– Посмотрите, – сказала она с улыбкой довольного ребенка. – Правда, красиво?

Пуаро внимательно за ней наблюдал. На голове у нее была большая шляпа из ярко-красной соломы – шляпы такого же фасона носили китайские кули. От низких полей на мертвенно-белое лицо падали розовые блики. Миссис Стаббс была сильно накрашена – не в английском, а в каком-то экзотическом стиле. Очень белая матовая кожа, цикламеновые[22 - Цикламен (альпийская фиалка) – травянистое растение семейства первоцветных, с крупными, ярко окрашенными лилово-розовыми цветками.] губы, густо накрашенные ресницы. Из-под шляпы виднелись черные гладкие волосы, облегающие ее головку, словно бархатный капор. Ничего от английской томной красоты. Казалось, это существо перенеслось сюда прямо из-под тропического солнца. Но вот глаза... они заставили Пуаро насторожиться. Этот ее младенческий, почти пустой и какой-то застывший взгляд.

И доверительность ее была очень детская, Пуаро даже ответил ей, как ответил бы ребенку:

– Очень красивое колечко.

Она засияла от удовольствия.

– Я вчера получила его от Джорджа, – пояснила она, понизив голос, как будто доверяя ему тайну. – Он столько мне всего дарит. Он такой добрый.

Пуаро снова взглянул на кольцо и на ладонь, лежавшую на подлокотнике. Ногти были очень длинные и покрыты красно-коричневым лаком.

«Не трудятся они и не прядут...»[23 - Почти дословная цитата из Евангелия от Луки (гл. 12, ст. 27).] – вспомнилось ему.

Он, конечно, не мог себе представить, чтобы леди Стаббс трудилась или прядла. Но и на полевую лилию она была мало похожа. Она была явно оранжерейным творением.

– У вас прекрасная гостиная, мадам, – сказал он, оценивающим взглядом окидывая комнату.

– Наверное, – отсутствующе ответила леди Стаббс.

Склонив голову набок, она опять стала поворачивать кисть то так, то эдак, любуясь вспыхивавшими в глубине камня зелеными искрами.

– Видите? – доверительно сказала она. – Камень мне подмигивает.

Она вдруг расхохоталась, и Пуаро поразил этот до неприличия громкий смех.

– Хэтти, – слышалось с другого конца гостиной: голос сэра Джорджа был мягок и добр, но в нем прозвучала и укоризна.

Леди Стаббс перестала смеяться.

– Не правда ли, Девоншир великолепен? – спешно спросил Пуаро, соблюдая светский ритуал.

– Он прекрасен днем, – сказала леди Стаббс, – когда, конечно, нет дождя. – И мрачно добавила: – Но здесь нет ночных клубов.

– Понимаю, вы любите бывать в ночных клубах?

– О да! – пылко сказала леди Стаббс.

– А почему вы их так любите?

– Там музыка и можно потанцевать. И я надеваю туда свои лучшие наряды, браслеты, кольца. И на других женщинах тоже красивые наряды и драгоценности, но не такие красивые, как у меня.

Она самодовольно улыбнулась, а Пуаро вдруг стало ее жаль.

– И все это вам очень нравится?

– Да. А еще я люблю казино. Почему в Англии нет казино?

– Меня тоже это удивляет, – со вздохом сказал Пуаро. – Думаю, казино просто не соответствует английской натуре.

Она взглянула на него непонимающе. Потом, слегка склонившись к нему, сказала:

– Однажды в Монте-Карло я выиграла шестьдесят тысяч франков. Я поставила на номер двадцать семь, и он выиграл.

– Это, должно быть, очень волнующе, мадам.

– О да. Джордж дает мне деньги на игру, но обычно я проигрываю, – с грустью произнесла она.

– Это печально.

– О, это совершенно неважно. Джордж очень богат. Хорошо ведь быть богатым, верно?

– Очень хорошо, – учтиво подтвердил Пуаро.

– Если бы я не была богатой, возможно, я выглядела бы как Аманда.

Она принялась бесцеремонно разглядывать сидевшую за чайным столом мисс Бруис.

– Вам не кажется, что она очень уродлива?

Мисс Бруис в этот момент подняла голову и посмотрела в их сторону. Леди Стаббс говорила негромко, но не услышала ли ее Аманда Бруис?

Пуаро обернулся и встретился взглядом с капитаном Уорбуртоном. В глазах капитана были насмешка и ирония.

Пуаро попытался переменить тему.

– Вы были, наверное, очень заняты подготовкой праздника? – спросил он.

Хэтти Стаббс покачала головой:

– Нет. По-моему, все это очень скучно – и вообще, зачем? Есть слуги и садовники. Почему бы им не заниматься этим?

– О, дорогая, – вдруг вмешалась миссис Фоллиат, она подошла и села на стоявший рядом диван. – Такие взгляды вы усвоили в ваших островных поместьях. Но в наши дни жизнь в Англии, увы, совсем иная. – Она вздохнула. – Теперь почти все приходится делать самим.

Леди Стаббс пожала плечами.

– Я считаю, это глупо. Какой же тогда смысл быть богатым, если все надо делать самим?

– Некоторым это нравится, – улыбнулась ей миссис Фоллиат. – Мне, например. Ну не все, конечно, но кое-что я очень люблю. Например, возиться с садом или готовиться к праздникам, вроде завтрашнего.

– Это будет что-то вроде вечеринки? – с надеждой спросила леди Стаббс.

– Да, похоже, только будет много-много народу.

– Как в Аскоте?[24 - Аскот – селение в графстве Беркшир, к западу от Лондона, получившее международную известность королевскими конными играми, начало которым было положено в 1711 г. На играх обязательно присутствует монарх со свитой и членами королевской семьи, а также собирается цвет лондонского высшего общества.] И огромные шляпы, и все такие шикарные?

– Ну, не совсем как в Аскоте, – ответила миссис Фоллиат и мягко добавила: – Вам надо привыкать к деревенской жизни, Хэтти. В ней есть своя прелесть. Помогли бы нам утром, вместо того чтобы оставаться в постели и подняться только к чаю.

– У меня болела голова, – надув губки, отозвалась Хэтти, но тут же настроение у нее изменилось, и она нежно улыбнулась миссис Фоллиат. – Но завтра я исправлюсь и буду делать все, что вы скажете.

– Очень мило с вашей стороны, дорогая.

– А у меня есть новое платье. Его принесли сегодня утром. Пойдемте со мной наверх, посмотрим.

Миссис Фоллиат колебалась, но леди Стаббс уже встала и настойчиво повторила:

– Ну, пожалуйста! Платье очаровательное! Идемте же!

– Ну, хорошо, хорошо. – Миссис Фоллиат слегка усмехнулась и поднялась.

Когда она, казавшаяся еще меньше рядом с рослой Хэтти, выходила из комнаты, Пуаро увидел ее лицо и был поражен: вместо недавней улыбки на нем было выражение крайней усталости. Она словно бы дала себе волю и сняла на миг светскую маску. А возможно, за этим скрывалось что-то большее. Возможно, она страдала какой-то болезнью, о которой, как свойственно многим женщинам, никогда не говорила. «Она не из тех, кто ищет жалости или сочувствия», – подумал Пуаро.

В кресло, где только что сидела Хэтти Стаббс, опустился капитан Уорбуртон. Он тоже взглянул на дверь, через которую вышли обе женщины, и с пренебрежительной усмешкой (естественно, не в адрес старшей) произнес:

– Пре-е-краснейшее создание, не так ли? – Краем глаза он проследил, как сэр Джордж с миссис Мастертон и миссис Оливер выходят через стеклянную дверь в сад. – Окрутила старика Стаббса по всем правилам. Чем только он ее не ублажает! Драгоценности, норковые манто и все прочее. Не пойму, замечает ли он, что у нее пустовато в голове? Возможно, для него это не имеет значения. В конце концов, эти новоявленные богачи не нуждаются в интеллектуальном общении.

– Кто она по национальности? – поинтересовался Пуаро.

– По ее виду я всегда считал, что она из Южной Америки, но на самом деле она вроде бы родом из Вест-Индии[25 - Вест-Индия – общее название островов и островков в Карибском море, Мексиканском заливе и прилегающих районах Атлантического океана.]. С одного из тех островов, где сахар, ром и все в таком роде. Она из родовитых переселенцев – креолка[26 - Креол – потомок первых испанских и португальских поселенцев в Америке либо потомок испанца и индианки.]. Я полагаю, они там все между собой переженились, на этих островах, отсюда-то и умственная неполноценность.

К ним подошла юная миссис Легг.

– Послушайте, Джим, – обратилась она к капитану, – вы должны поддержать меня. Эту палатку надо поставить там, где мы решили, – в дальнем конце лужайки у рододендронов. Это единственное подходящее место.

– Мамаша Мастертон так не считает.

– Что ж, вам надо ее уговорить.

Он хитро улыбнулся.

– Миссис Мастертон – мой босс.

– Ваш босс Уилфред Мастертон, поскольку он – член парламента.

– Позволю себе заметить, что его жене эта должность подошла бы больше. Именно она верховодит в доме, мне ли этого не знать.

Сэр Джордж вернулся в гостиную тем же манером – через стеклянную дверь.

– А, Салли, вот вы где, – сказал он. – Вы нам нужны. Вы не подумали о тех, кто будет намазывать маслом булочки, кто будет разыгрывать пирожные, и вообще, почему продукты оказались там, где обещали разместить столик со всякими вышивками и вязаньем? Где Эми Фоллиат? Только она одна может справиться с этими сложностями.

– Она пошла наверх с Хэтти.

– Ах, вот оно что...

Сэр Джордж беспомощно осмотрелся. Мисс Бруис тут же выскочила из-за стола, где заполняла пригласительные билеты:

– Сейчас я вам ее приведу, сэр Джордж.

– Благодарю вас, Аманда.

Мисс Бруис вышла из комнаты.

– Д-да, надо побольше проволочной сетки, – пробормотал сэр Джордж.

– Для праздника?

– Нет-нет. Поставить ограду в лесу – там, где мы граничим с Худаун-парком. Старая давно развалилась, и теперь они ходят и ходят.

– Кто?

– Да нарушители, туристы! – воскликнул сэр Джордж.

– Вы напоминаете Бетси Тротвуд[27 - Бетси Тротвуд – персонаж знаменитого юмористического романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).], воющую с ослами, – с улыбкой сказала Салли Легг.

– Бетси Тротвуд? Кто это? – простодушно спросил сэр Джордж.

– Диккенс.

– А-а, Диккенс. Я читал когда-то «Записки Пиквика». Неплохо, даже не ожидал. Но если серьезно, туристы – сущее бедствие с тех пор, как тут устроили этот проклятый туристский центр. Эти юнцы лезут сюда отовсюду. А в чем они ходят! Сегодня утром идет парень, и на рубашке у него – сплошь черепахи и еще какое-то зверье; ну, думаю, не иначе как я вчера выпил лишку. Половина не говорят по-английски, несут какую-то чушь. – Он передразнил: – «О, пожалуйста... сказать мне... дорога на переправа?» Я им кричу, что нет тут дороги, уходите, а они только хлопают глазами и ничего не могут понять. Это парни. А девицы хихикают. Кого сюда только не носит – итальянцы, югославы, голландцы, финны. Не удивлюсь, если к нам пожаловали уже и эскимосы! И подозреваю, что половина этой публики – коммунисты, – мрачно закончил он.

– Только не заводитесь, Джордж, по поводу коммунистов, – сказала миссис Легг. – Идемте, я помогу вам справиться со строптивыми женщинами.

Ведя его к двери на террасу, она обернулась и позвала:

– Пойдемте с нами, Джим. За свою идею надо биться до конца, тем более что мы правы.

– Я готов, но хочу ввести месье Пуаро в курс дела. Ему ведь предстоит присуждать призы за игру «Найди жертву».

– Вы можете сделать это позже.

– Я подожду вас здесь, – согласился Пуаро.

Наступила тишина. Алек Легг нехотя поднялся и вздохнул.

– О женщины! – сказал он. – Просто какой-то пчелиный рой. – Он выглянул в окно. – И все из-за чего? Из-за какого-то дурацкого праздника, который никому не нужен.

– Но кому-то, очевидно, все-таки нужен, – заметил Пуаро.

– И почему у людей нет ни капельки здравого смысла? Почему бы им наконец не задуматься? Не подумать о том, что творится в мире? Неужели не понятно, что жители Земли совершают самоубийство?

Пуаро справедливо рассудил, что на этот вопрос отвечать необязательно. Он только с сомнением покачал головой.

– Если мы ничего не предпримем, пока еще не поздно... – Алек Легг внезапно умолк, на его лице на миг отразился гнев. – Знаю, знаю, о чем вы думаете. По-вашему, я просто неврастеник. Эти проклятые врачи тоже думают, что мне надо поправить нервы. Надо, говорят, отдохнуть, переменить обстановку, подышать морским воздухом. Ну, раз надо, так надо: мы с Салли приехали сюда, сняли на три месяца домик на мельнице, и я следую их предписаниям. Ловлю рыбу, купаюсь, совершаю длительные прогулки, принимаю солнечные ванны...

– Да-да, я сразу это понял, – вежливо заметил Пуаро.

– А-а, это? – Алек прикоснулся к своему облупившемуся лицу. – Это результат в кои-то веки распрекрасного английского лета. Ну и какой от всего этого толк? Нет уж, что есть, то есть, никуда от этого не убежишь.

– Да, бегство никогда не приводит к добру.

– Здесь, в деревенской обстановке, все воспринимается еще острее... эта невообразимая всеобщая апатия... Даже Салли, которая достаточно умна,

рассуждает так же, как и все. Стоит ли волноваться? Вот что она говорит. Это меня бесит! Стоит ли волноваться!

– А действительно, отчего вы так волнуетесь?

– Боже мой, и вы туда же?

– Нет-нет, я ничего не собираюсь вам советовать. Я просто хотел бы знать – отчего?

– Неужели вы не видите, что кто-то должен хоть что-то предпринять?

– И этот кто-то – вы?

– Нет, не я лично. В наше время отдельно взятая личность уже не имеет значения.

– Ну не скажите. Даже в такое время, как сейчас, каждый из нас все же во многом остается индивидуалистом.

– И напрасно! В такое напряженное время, когда перед человечеством встал вопрос «жизнь или смерть», нельзя думать о собственных болячках и заботах.

– Вот тут вы совершенно заблуждаетесь. Во время войны, в одну из жестоких бомбежек, мысль о возможной смерти беспокоила меня куда меньше, чем натертая мозоль. Тогда меня это удивило. «Думай о том, – твердил я себе, – что тебя в любую минуту может убить». Мне даже было несколько стыдно – какая-то пустячная мозоль мучила меня сильнее, чем страх перед смертью. Понимаете, в экстремальных условиях всякие мелочи вдруг обретают особое значение. Я видел женщину, пострадавшую в уличной аварии; у нее была сломана нога, а она рыдала из-за порванного чулка.

– Это доказывает лишь то, что женщины – феноменальные дуры!

– Это доказывает, какова суть человеческой натуры. Возможно, именно сосредоточенность каждой отдельной личности на своей жизни и помогла выжить роду человеческому.

– Порою мне кажется, что лучше бы этого не произошло, – сказал Алек Легг, пренебрежительно усмехнувшись.

– И притом, – продолжал Пуаро, – это в некотором роде проявление скромности. А скромность – ценное качество. Вот во время войны в вашем метро часто встречался лозунг: «Все зависит от тебя». Я думаю, его придумал какой-нибудь видный духовный деятель, но, по-моему, это чрезвычайно опасное утверждение. Поскольку оно ложно. Ну что может зависеть от какой-нибудь, скажем, миссис Бланк из глухой деревушки? Если она и впрямь уверует в это, ее жизнь превратится в ад. Пока она будет думать о том, чем бы ей помочь спасению мира, ее собственный ребенок опрокинет на себя чайник.

– Вы, вероятно, придерживаетесь старомодных взглядов. Ну а какой лозунг выбрали бы вы?

– Ну а зачем мне собственный лозунг? У вас, у англичан, существует одна старая поговорка, по-моему, очень мудрая.

– Какая же?

– «Бог-то бог, да сам не будь плох».

– Ну и ну... Вот уж не ожидал, – изумился Алек Легг. – А знаете, что не мешало бы сделать у нас в стране?

– Наверное, что-нибудь очень эффективное, но неприятное, – с улыбкой сказал Пуаро.

– Надо бы убрать слабоумных – всех начисто. – Алек Легг оставался серьезным. – Не давать им плодиться. Если хотя бы только в одном поколении разрешить иметь детей только умным людям, вы представляете, каков бы был результат?

– Вероятно, резкий прирост пациентов в психиатрических клиниках, – сухо отозвался Пуаро. – Корни растению нужны так же, как и цветы, мистер Легг. Какими бы прекрасными ни были цветы, они погибнут, если уничтожить корни. – И как бы между прочим спросил: – Леди Стаббс была бы у вас, вероятно, среди кандидатов, подлежащих усыплению?

– Естественно. Какая польза от такой женщины? Что она сделала для общества? Думала ли она когда-нибудь о чем-то, кроме своих нарядов, мехов и драгоценностей? Вот я и спрашиваю: какая от нее польза?

– Мы с вами действительно намного умнее, чем леди Стаббс, – спокойно произнес Пуаро. – Но, – он печально покачал головой, – боюсь, у нас нет ни малейших шансов стать украшением общества.

– Украшением... – фыркнув, начал было Алек, но тут в комнату вошли миссис Оливер и капитан Уорбуртон.

Глава 4

– Вам нужно пойти взглянуть на «ключи», вообще на весь реквизит, используемый в нашей игре, – сказала, отдышавшись, миссис Оливер.

Пуаро поднялся и послушно последовал за ними. Миновав холл, они прошли в небольшую, обставленную как служебный кабинет комнату.

– Слева – орудия убийства, – объявил капитан Уорбуртон, махнув рукой в сторону карточного столика.

Там были разложены маленький пистолет, кусок свинцовой трубы со зловещим коричневым пятном, синий флакон с этикеткой «Яд», кусок бельевой веревки и шприц.

– Это орудия, – пояснила миссис Оливер, – а это подозреваемые. – И она протянула Пуаро отпечатанную карточку.

Он с интересом прочитал:

Полковник Блант – местный сквайр.

Эстелл Глинн – красивая и загадочная молодая женщина, гостя полковника Бланта.

Питер Грей – молодой ученый-атомщик.

Джоан – дочь Бланта, жена Питера Грея.

Мисс Уиллинг – экономка.

Квайет – дворецкий.

Майя Ставска – молодая туристка.

Эстебан Лойола – незванный гость.

Пуаро прищурился и посмотрел на миссис Оливер с легким недоумением.

– Великолепный список действующих лиц, – деликатно заметил он. – Но позвольте спросить, мадам, что требуется от участников игры?

– Переверните карточку, – сказал капитан Уорбуртон.

Пуаро перевернул.

На обратной стороне было напечатано:

Фамилия

Адрес

Имя убийцы

Орудие, которым было совершено убийство

Мотив

Время и место

Основания для ваших выводов

– Каждый участник получает такую карточку, а также блокнот и карандаш, для того чтобы можно было записать ключи к разгадке, – начал быстро объяснять капитан Уорбуртон. – Ключей будет шесть. И вы переходите от одного к другому, как в игре «Найди клад», а орудия убийства будут спрятаны в нескольких подозрительных местах. Вот первый ключ – фотография. Каждый начнет с нее.

Пуаро взял маленькое фото и, нахмурившись, стал рассматривать. Потом повернул его вверх ногами и еще больше нахмурился. Уорбуртон улыбался.

– Искусно сфотографировано, верно? – самодовольно спросил он. – И довольно просто, если знаешь, что это такое.

Пуаро не знал, и ему стало досадно.

– Что-то вроде зарешеченного окна? – предположил он.

– Некоторое сходство есть, согласен. Но вообще это часть теннисной сетки.

– Ах, вот как! – Пуаро снова посмотрел на снимок. – Да, теперь, когда вы сказали, это совершенно ясно.

– Многое зависит от того, как посмотреть на вещь, – усмехнулся Уорбуртон.

– Истинная правда.

– Второй ключ будет в ящике под серединой теннисной сетки. Это пустой флакон из-под яда и рядом с ним обыкновенная пробка.

– Понимаете, – быстро заговорила миссис Оливер, – флакон с винтовым горлышком, так что, по существу, ключом является пробка.

– Знаю, мадам, что вы очень изобретательны, но мне не совсем понятно...

– Ну конечно, – перебила его миссис Оливер. – Есть пересказ происходящего. Краткое содержание, как в журнальных сериалах. – Она повернулась к капитану Уорбуртону. – Листки у вас?

– Их еще не прислали из типографии.

– Но они же обещали!

– Знаю, знаю. Все всегда обещают. Листки с содержанием будут отпечатаны вечером к шести. Я сам съезжу за ними.

– Ну хорошо. – Миссис Оливер глубоко вздохнула и повернулась к Пуаро. – Тогда мне самой придется все вам рассказать. Только рассказчик я никудышный. Видите ли, когда я пишу, у меня все четко и ясно, но, как только пытаюсь это пересказать, получается страшная неразбериха. Поэтому я никогда ни с кем не обсуждаю своих замыслов. Я уже научена горьким опытом: как только я начинаю это делать, мне вскоре со скучающим видом говорят: «Э-э... ну да... но непонятно, что же тут происходит и... наверное, из этого ничего не получится». Так бывает обидно! Ведь, когда я пишу, у меня все получается.

Миссис Оливер перевела дух и продолжала:

– Ну, слушайте. Питер Грей, молодой ученый-атомщик, подозревают, что он работает на коммунистов, и он женат на этой девушке, Джоан Блант, а его первая жена умерла, но на самом деле она не умерла, потом она вдруг появляется, потому что она – тайный агент или, вернее, она туристка, а у жены роман, а этот человек, Лойола, появляется то ли чтобы встретиться с Майей, то ли чтобы шпионить за ней, и существует шантажирующее письмо, которое могли написать экономка или дворецкий, и пропадает револьвер, а поскольку вы не знаете, кому адресовано письмо... и тут за обедом вдруг откуда-то падает шприц, а потом он исчезает...

Миссис Оливер вдруг остановилась, правильно оценив реакцию Пуаро.

– Знаю, – сочувственно сказала она. – Все кажется очень запутанным, но это не так – по крайней мере, у меня в голове. Вот когда вы получите листок с кратким изложением задуманной мной истории, вы поймете, что все тут совершенно ясно. Однако, – добавила она, – вам совершенно не обязательно вникать во все эти подробности, верно? Ваша задача – только вручить призы (кстати, очень хорошие, первый приз – серебряный портсигар в форме револьвера) и похвалить победителя, сказать, как он замечательно умен и прочее.

Пуаро подумал про себя, что победителю действительно нужно быть очень умным. Впрочем, он сильно сомневался в том, что будет победитель. И задуманная миссис Оливер игра, в которой нужно было найти жертву, была пока окутана для него непроницаемым туманом.

– Что ж, – бодро произнес капитан Уорбуртон, взглянув на свои часы, – пожалуй, пора забирать в типографии листки.

– А вдруг еще не готовы?.. – дрогнувшим голосом спросила миссис Оливер.

– Готовы, готовы. Я звонил. Пока.

Он вышел из комнаты.

Миссис Оливер тут же схватила Пуаро за руку и хриплым шепотом произнесла:

– Ну?

– Что «ну»?

– Что-нибудь заметили? Кого-нибудь заподозрили?

С мягким укором в голосе Пуаро ответил:

– По-моему, все вполне нормально.

– Нормально?

– Возможно, это не совсем подходящее слово. Ибо у леди Стаббс, как вы и говорили, определенно имеется некоторая умственная отсталость, а мистер Легг, наоборот, чересчур заумный.

– Да нет, с ним все в порядке, – нетерпеливо заметила миссис Оливер. – У него просто нервный срыв.

Пуаро не стал заострять внимание на некоторой нелогичности ее слов, а просто принял их к сведению.

– Все крайне возбуждены и очень раздражительны, что, впрочем, характерно при подготовке развлечений такого рода. И если вы могли заметить...

– Ш-ш! – Миссис Оливер снова схватила его за руку. – Сюда кто-то идет.

Это все больше походило на плохую мелодраму... Пуаро почувствовал, что и сам начинает раздражаться.

В дверях появилось доброжелательное лицо мисс Бруис.

– О, вот вы где, месье Пуаро. А я вас разыскиваю – хочу показать вам вашу комнату.

Она повела его наверх, где ему была отведена просторная комната с видом на реку.

– Ванная прямо напротив. Сэр Джордж подумывает прибавить ванных, но тогда, к сожалению, придется нарушить пропорции комнат. Надеюсь, вам тут будет удобно?

– Да, конечно. – Пуаро окинул оценивающим взглядом этажерку, настольную лампу и коробку с наклейкой «Печенье» у кровати. – Кажется, все в этом доме доведено до совершенства. Кого мне благодарить: вас или очаровательную хозяйку?

– Леди Стаббс целиком поглощена тем, чтобы быть очаровательной, – не без ехидства заметила мисс Бруис.

– Очень живописная молодая особа, – задумчиво произнес Пуаро.

– Вот именно...

– Правда, возможно, в других отношениях она не столь... – Он осекся. – Pardon, я чересчур увлекся. Есть вещи, о которых, возможно, тут не принято даже упоминать.

Мисс Бруис внимательно на него посмотрела и сухо сказала:

– Леди Стаббс прекрасно знает, что делает. Она действительно очень эффектная женщина, но, кроме того, она еще и очень даже себе на уме.

Она повернулась и, прежде чем Пуаро успел скроить удивленную мину, выскользнула из комнаты. Так вот, значит, что думает о хозяйке дома деловитая мисс Бруис! Или она сказала так по каким-то особым соображениям? Зачем так откровенничать с посторонним, только что приехавшим человеком? А может, именно потому, что он посторонний? Да к тому же иностранец. Эркюль Пуаро по личному опыту знал, что многие англичане полагают, что иностранцам можно говорить все, что угодно, и что их вообще нельзя воспринимать всерьез!

Он нахмурился, растерянно уставившись на захлопнувшуюся дверь. Потом взглянул в окно – как раз в тот момент, когда из дома вышли леди Стаббс и миссис Фоллиат. На некоторое время дамы задержались у большой магнолии, что-то оживленно обсуждая. Но вот миссис Фоллиат кивнула на прощание, подняла свою садовую корзину, в которой лежали перчатки, и пошла по подъездной аллее. Леди Стаббс довольно долго смотрела ей вслед, затем машинально сорвала цветок магнолии, понюхала его и медленно двинулась по дорожке, которая вела сквозь заросли деревьев к реке. Прежде чем исчезнуть из виду, она оглянулась. Из-за магнолии нарочито спокойным шагом вышел Майкл Уэйман и после недолгих колебаний проследовал в гущу деревьев, где только что скрылась стройная фигурка.

«Решительный молодой человек, – подумал Пуаро. – И к тому же красив. В общем, личность куда более привлекательная, чем сэр Джордж Стаббс...

Но, собственно, что тут такого? Ситуация вполне ординарная. Богатый невзрачный муж, весьма уже зрелого возраста, молодая, красивая, умная (или не очень) жена и влюбчивый молодой человек. Неужто это достаточная причина для того, чтобы миссис Оливер кинулась мне звонить? Конечно, у миссис Оливер живое воображение, но...»

– Но я ведь не занимаюсь такими вещами, – пробормотал уже вслух Эркюль Пуаро. – Выслеживать любовников на предмет установления факта адюльтера[28 - Адюльтер – супружеская неверность.] – не по моей части. И вообще, почему миссис Оливер вбила себе в голову, что тут что-то не так? Впрочем, в ее голове царит такая путаница...

Пуаро решительно не понимал, как ей удастся создавать вполне связные детективные романы. Однако при всем при том она часто удивляла его своей прозорливостью.

– Мало времени... мало, – бормотал он. – Действительно ли здесь что-то не так? Думаю, она все-таки права. Но что? Кто может пролить на это свет? Надо срочно как можно больше узнать обо всех этих людях. Но кто мне расскажет о них?

После недолгого размышления он схватил шляпу (великий сыщик никогда не рисковал выходить вечером с непокрытой головой) и поспешил вниз. Из дальней комнаты доносился властный лай миссис Мастертон. А чуть ближе слышался голос сэра Джорджа, полный страстного нетерпения:

– К черту чадру. Я хочу, чтобы вы были в моем гареме, Салли. Я приду завтра узнать свою судьбу. Что вы мне скажете, а?

Послышались звуки легкой борьбы и прерывистый от напряжения голос Салли:

– Перестаньте, Джордж.

Пуаро, немало изумившись, ловко проскользнул в оказавшуюся рядом боковую дверь наружу и быстро потрусил по задней дорожке, которая, как подсказывало ему чутье, должна была в какой-то точке соединиться с подъездной аллеей.

Маневр оказался удачным: хотя Пуаро немного запыхался, зато был вознагражден встречей с миссис Фоллиат.

– Разрешите, мадам?.. – галантно предложил он, беря у нее из рук корзину.

– О, благодарю вас, месье Пуаро, вы очень любезны. Но, право, корзинка совсем не тяжела.

– И все же позвольте мне донести ее до вашего дома. Вы ведь живете недалеко отсюда?

– Я живу теперь в домике у главных ворот. Сэр Джордж любезно сдает его мне в аренду.

Домик у ворот ее прежнего дома... Какие чувства она должна испытывать, думая об этом? Однако ее самообладание было поразительным, и Пуаро не смог заметить ни единого предательского знака – ни в голосе, ни в выражении лица.

Он переменял тему разговора:

– Леди Стаббс ведь намного моложе мужа?

– На двадцать три года.

– Она очень привлекательна.

– Хэтти прелестное милое дитя, – спокойно сказала миссис Фоллиат.

Пуаро ожидал совсем иного ответа.

– Я ее очень хорошо знаю. Видите ли, она некоторое время была на моем попечении, – продолжала она.

– Я этого не знал.

– Откуда вам было знать. Это довольно грустная история. Ее семья владела сахарными плантациями в Вест-Индии. Во время землетрясения поместье сгорело, а родители, братья и сестры погибли. Хэтти в то время жила при одном из парижских монастырей. В общем, она осталась вдруг совсем одна на свете. Ее душеприказчики сочли, что ей лучше некоторое время побыть за границей, а затем настала пора вывозить ее в свет, для чего требовалась пожилая дама. Вот мне и предложили опекать ее. Когда нужно, я умею выглядеть вполне прилично, – чуть усмехнулась она. – К тому же у меня были кое-какие связи – покойный губернатор был близким другом моего семейства.

– О, теперь я все понял, мадам.

– Предложение пришлось весьма кстати. Я переживала тяжелое время. Перед самой войной скончался муж. Старший сын был моряком – утонул, его корабль пошел ко дну, младший, вернувшись из Кении, поступил в командос[29 - Командос – диверсионно-десантные отряды (первоначально организованы в британской армии), а также бойцы этих отрядов.] и был убит в Италии. На меня свалились тройные налоги по наследованию, и дом пришлось продать. Я и сама была едва жива от горя... и рада была отвлечься путешествием и заботами о своей юной подопечной. Я очень полюбила Хэтти. Возможно, потому, что вскоре поняла, что она... я бы сказала, не в состоянии должным образом позаботиться о себе. Поймите меня правильно, месье Пуаро, Хэтти не то чтобы умственно отсталая, а, как принято говорить в деревне, «простушка»: она чересчур послушна, легко поддается внушению, ее ничего не стоит обмануть. Я думаю, то, что она практически осталась без денег, даже к лучшему. Окажись она богатой наследницей, ее положение было бы гораздо более затруднительным. Она нравилась мужчинам и, будучи натурой страстной, легко увлекалась и поддавалась влиянию – за ней нужен был глаз да глаз. Когда при оприходовании родительского имущества обнаружилось, что плантации разорены и долгов больше, чем самого имущества, я могла только благодарить судьбу за то, что в Хэтти влюбился такой человек, как сэр Джордж Стаббс, и решил жениться на ней.

– Да... вероятно, это был какой-то выход, – заметил Пуаро.

– Сэр Джордж обязан своими успехами исключительно самому себе и, откровенно говоря, довольно вульгарен, но он добр, порядочен и к тому же очень богат. Я не думаю, что он рассчитывал на духовное общение с женой, в этом смысле Хэтти как раз то, что ему надо. Она превосходно демонстрирует

свои наряды и драгоценности, она нежна и послушна и вполне счастлива с ним. Признаюсь, я очень рада, что все так получилось, потому что, мне кажется, именно я убедила ее принять его предложение. Если бы они не ладили, – голос ее слегка напрягся, – меня бы замучила совесть за то, что заставила бедную девочку выйти замуж за человека настолько ее старше. Я ведь вам говорила, что Хэтти очень слабовольна, и каждый, кто общается с нею, может внушить ей все, что заблагорассудится.

– Мне кажется, вы приняли наиболее разумное в данном случае решение, – одобчительно сказал Пуаро. – Я в отличие от англичан отнюдь не романтик. Для удачного брака недостаточно такой эфемерной субстанции, как влюбленность. А что касается Насс-хауса, – добавил Пуаро, – то это дивное место, как говорится, неземной красоты.

– Но так как Насс пришлось продавать, – продолжала миссис Фоллиат слегка дрогнувшим голосом, – я рада, что его купил сэр Джордж. Во время войны он был реквизирован для нужд армии, его бы могло выкупить государство или частное лицо. Устроили бы тут гостиницу или школу, перегородив эти прекрасные комнаты. Нашим соседям Флетчерам из Худауна тоже пришлось продать свое имение, и теперь там туристский центр. Хорошо, конечно, что молодежи есть где отдохнуть. К тому же Худаун построен в позднем викторианском стиле[30 - Имеется в виду архитектурный стиль конца XIX в. Назван по имени правившей тогда в Великобритании королевы Виктории (1837-1901).] и не представляет особой исторической ценности, так что перестройка не слишком ему повредила. Досадно только, что молодые люди постоянно вторгаются в наши владения. Это очень сердит сэра Джорджа, и его можно понять: они то и дело ломают редкие породы кустарников. А ходят они тут, чтобы срезать часть дороги к переправе через реку.

Наконец они дошли до ворот. Небольшой белый одноэтажный домик миссис Фоллиат находился несколько в стороне от аллеи.

Поблагодарив Пуаро, миссис Фоллиат забрала у него свою корзинку.

– Мне всегда нравился этот домик, – сказала она, с любовью посмотрев на окруженный огороженным садиком дом. – Мерделл, наш главный садовник, прожил тут тридцать лет. Мне этот домик больше по душе, чем коттедж, хотя сэр Джордж расширил его и модернизировал – ведь новый садовник очень молод, и у него молодая жена. А этим молодым подавай и электрический уют, и

современную плиту, и телевизор... Нужно держаться в ногу со временем... – Она вздохнула. – От прежних дней в имении почти никого не осталось... все новые лица...

– Я рад, мадам, что вы наконец «вернулись в свой порт».

– О, вы знаете эти строки из Спенсера?[31 - Спенсер Эдмунд (ок. 1552–1599) – поэт английского Возрождения, непревзойденный мастер во всех жанрах поэзии, заслуживший звание «поэта поэтов».] «Сон после тяжелого труда, порт после штормовых морей, отдохновение после боя, смерть после жизни – вот величайшие блага...» – Она немного помолчала и сказала, не меняя тона: – Мир очень грешен, месье Пуаро, в нем очень много злых людей. Вы это, вероятно, знаете не хуже меня. Я не говорю так молодым людям, не хочу их разочаровывать, но это правда... Да, очень грешен мир...

Она слегка поклонилась ему и пошла в дом. Пуаро еще постоял какое-то время, глядя на закрывшуюся дверь.

Глава 5

1

Настроившись на поиск, Пуаро вышел из ворот и двинулся вниз по крутому спуску. Извивающаяся дорога вскоре привела его к небольшому причалу. На увесистом колоколе с цепью было написано: «Для вызова парома». Вдоль причала было пришвартовано много лодок. У кнехта[32 - Кнехт – тумба на причале для закрепления швартового каната или троса.], прислонившись к нему спиной, стоял очень древний старик со слезящимися глазами. Шаркая ногами, он подошел к Пуаро.

– Желаете переправиться, сэр?

– Благодарю вас, нет. Я просто вышел из Насс-хауса немного прогуляться, посмотреть, что здесь вокруг.

– А, так вы из Насса. Работал я там мальчишкой, и мой сын тоже. Он старшим садовником, а я при лодках. Старый сквайр Фоллиат был прямо помешан на лодках. Выходил, бывало, под парусом в любую погоду. А вот майору, сыну его, ни к чему были эти самые паруса. Лошади, вот что его интересовало. Кучу денег тратил на них. Лошади да выпивка; плохо приходилось его жене. Вы, наверное, видели ее, живет в домике у ворот.

– Да, я только что с ней расстался.

– Эта Фоллиат – вторая кузина Тивертонна. Уж она-то разбирается в садоводстве, это она насажала разные цветущие кусты. Даже когда оба джентльмена ушли на войну, она ухаживала за этими кустами, чтобы не заросли сорняками.

– Досталось ей, ведь оба сына погибли.

– Да, что ни говори, тяжелая у нее жизнь. С мужем горяхватила, с молодым джентльменом – тоже. Нет, не с мистером Генри. Этот был лучше не придумаешь, на деда был похож, море он любил и пошел во флот, как и можно было ждать. Но вот мистер Джеймс доставил ей много бед. Долги, женщины, да еще и характер сумасшедший. Как говорится, в семье не без урода. Но война – это было для него самое подходящее, она, можно сказать, дала ему шанс. Вот так! Кто не в состоянии достойно держать себя в мирное время, героем погибает на войне.

– Так, значит, теперь нет больше Фоллиатов в Нассе, – сказал Пуаро.

Поток болтовни старика оборвался:

– Вот именно, как вы и сказали, сэр.

Пуаро с любопытством посмотрел на старика.

– Вместо них у вас сэр Джордж Стаббс. Что о нем думают люди?

– Как мы тут понимаем, он страшно богат, – сказал старик, голос его прозвучал бесстрастно и чуть ли не насмешливо.

– А о его жене?

– Она просто леди из Лондона. Даже ничего для сада она не может. Говорят, у нее не хватает тут, – и он многозначительно постучал пальцем по виску. – Не больно-то хорошо о ней говорят. Уже больше года она тут. Купили имение и сделали все как новое. Я помню, как они приехали, словно это было вчера. Прибыли они вечером, а накануне была страшная буря, больше такой и не припомню. Деревья так и валялись, одно упало поперек аллеи, пришлось срочно его пилить, чтобы расчистить проезд для машины. А больше всего хлопот натворил дуб: когда он рухнул и сломал много других деревьев, получился целый завал.

– А, это там, где теперь стоит «Причуда»?

Старик отвернулся и с отвращением плюнул.

– Да, «Причудой» назвали... Причуда и есть. Все это теперешние модные выкрутасы. В старые-то времена у Фоллиатов никаких причуд не было. Это все ее милость выдумала. И трех недель тут не побыли, а успели уж построить. Небось она и уговорила сэра Джорджа. Надо было эдакую штуку придумать – торчит среди деревьев, словно храм каких язычников. Нет бы хорошенькую беседку поставить, да с цветными стеклами, а то...

Пуаро слегка улыбнулся:

– Да, у лондонских леди свои фантазии. Печально, что миновали времена Фоллиатов.

– Да не верьте вы этому, сэр. – Старик хрипло хохотнул. – Фоллиаты всегда будут в Нассе.

– Но дом принадлежит сэру Джорджу Стаббсу.

– Оно конечно, но Фоллиаты все-таки здесь. О, они хитрые, Фоллиаты!

– Это почему же?

Старик лукаво на него покосился.

– Миссис Фоллиат ведь живет в садовом домике? – спросил он.

– Да-а, – медленно протянул Пуаро. – Миссис Фоллиат живет в садовом домике, и мир очень грешен, и все люди очень злы.

Старик удивленно взглянул на него.

– Ах вот что, – сказал он. – Так вам, наверное, кое-что известно.

И с этими словами старик прошаркал прочь.

– Что же мне может быть известно? – с досадой спрашивал себя Пуаро, поднимаясь назад к дому.

2

Эркюль Пуаро тщательно закрутил кончики на помаженных душистой помадой усов. Немного отступив от зеркала, он придирчиво на себя посмотрел и был вполне удовлетворен тем, что увидел.

По дому разнесся звук гонга, и он стал спускаться по лестнице.

Дворецкий, завершив свое артистическое исполнение крещендо, форте, диминуэндо, раллентандо, как раз вешал на место колотушку для гонга.

Пуаро тут же вспомнил: «Шантажирующее письмо от экономки... или, может быть, от дворецкого...» Судя по его виду, этот дворецкий вполне мог быть автором такого письма. «Уж не берет ли миссис Оливер персонажей для сценария из жизни...» – подумал Пуаро.

Через холл проходила мисс Бруис в цветастом шифоновом платье, которое ей совершенно не шло. Пуаро догнал ее и спросил:

– У вас здесь есть экономка?

– О нет, месье Пуаро. Мне кажется, такого рода профессия теперь не в чести, разве что в больших семьях... У нас же в доме экономка я, и, боюсь, даже в большей мере, чем секретарь. – Она криво усмехнулась.

– Так, значит, экономка вы? – Пуаро задумчиво посмотрел на нее.

Нет, он не мог представить себе, как мисс Бруис пишет шантажирующее письмо. Просто анонимное – это другое дело. Он знал, что анонимные письма пишут именно такие, как она, женщины солидные, вполне добропорядочные.

– Как фамилия вашего дворецкого? – поинтересовался Пуаро.

– Хендон, – с некоторым удивлением ответила мисс Бруис.

Пуаро поспешил объяснить:

– Мне кажется, я с ним где-то уже встречался.

– Вполне возможно, – ответила мисс Бруис. – Эти люди, похоже, не задерживаются на одном месте больше четырех месяцев. Скоро в Англии уже не останется домов, где они могли бы предложить свои услуги – ведь теперь очень немногие могут себе позволить держать дворецкого и повара.

Они вошли в гостиную, где сэр Джордж, облаченный в смокинг (чувствовалось, что этот вид одежды пока ему непривычен), потчевал гостей хересом. Миссис Оливер в атласе стального цвета была похожа на устаревший военный корабль. Леди Стаббс склонила свою гладкую черную головку над журналом мод.

Алек и Салли Легг что-то увлеченно обсуждали с Уорбуртоном.

– Нам предстоит тяжелый вечер, – говорил Джим Уорбуртон. – Никакого бриджа. Все за работу. Нужно написать еще много объявлений и большую афишу для

предсказательницы судеб. Как мы ее назовем? Мадам Зулейкой? Эсмеральдой? Или цыганкой Ли – цыганской королевой?

– Лучше что-нибудь восточное, – сказала Салли. – В сельской местности цыган на дух не переносят. Зулейка... Звучит отлично. У меня есть с собой краски, и я думаю, Майкл может украсить афишу извивающейся змеей.

– А может, лучше Клеопатра, чем Зулейка?

В дверях появился Хендон:

– Обед подан, миледи.

Все потянулись в столовую, где на длинном столе мерцали свечи – на стенах заплясали причудливы тени.

Уорбуртон и Алек Легг сели по обе стороны от хозяйки. Пуаро – между миссис Оливер и мисс Бруис. Мисс Бруис принимала самое живое участие в общем разговоре, касавшемся, естественно, последних приготовлений к предстоящей игре.

Миссис Оливер думала о чем-то своем и в основном молчала.

Наконец она решила, что и ей пора что-то сказать, и, повернувшись к Пуаро, томным голосом произнесла:

– Не обращайтесь на меня внимания, я просто вспоминаю, не забыла ли чего.

Сэр Джордж весело расхохотался.

– Ошибки неизбежны, не так ли? – спросил он.

– Вы правы, – вздохнула миссис Оливер. – Всегда что-нибудь потом выплывает, причем когда книжку уже напечатали. Это бывает так ужасно! – На ее лице появилось страдальческое выражение. Она еще раз вздохнула. – И что самое удивительное: почти никто этой ошибки не замечает. Я начинаю себя уговаривать: «Конечно, повар всегда заметит, что две котлеты не съедены. Но

больше никто об этом и не подумает».

– Вы меня заинтриговали, – откликнулся Майкл Уэйман с другого конца стола. – Загадка второй котлеты! И, пожалуйста, не надо ничего объяснять. Я поразмыслю над этим вечером в ванне.

Миссис Оливер рассеянно улыбнулась ему и снова погрузилась в свои заботы.

Леди Стаббс тоже молчала. И все чаще зевала. Уорбуртон, Алек Легг и мисс Бруис разговаривали, не обращая на нее внимания. Когда вышли из столовой, леди Стаббс остановилась у лестницы.

– Я иду спать, – заявила она. – Я очень хочу спать.

– Ой, леди Стаббс! – воскликнула мисс Бруис. – Нам еще столько нужно сделать! Мы думали, что вы нам поможете.

– Да, я знаю. Но я иду спать.

Она была похожа на добившегося своего маленького ребенка. Тут из столовой как раз вышел сэр Джордж.

– Я устала, Джордж. Я иду спать. Ты не возражаешь? – кротко спросила она.

Он подошел к ней и ласково погладил по плечу.

– Да, тебе лучше лечь пораньше, Хэтти. Завтра тебе надо быть полной сил.

Он поцеловал ее, и она стала подниматься по лестнице, помахав всем на прощанье рукой и крикнув:

– Спокойной ночи!

Сэр Джордж улыбнулся ей. Мисс Бруис громко вздохнула и резко отвернулась.

– Идемте! – сказала она с наигранной бодростью. – Нам надо работать.

Каждый принялся за свое дело. Однако, поскольку мисс Бруис не могла быть повсюду одновременно, скоро появились дезертиры. Майкл Уэйман, украсив афишу великолепным свирепым змеем и написав: «Мадам Зулейка предскажет вам судьбу», потихоньку удалился. Алек Легг, выполнив для виду какое-то пустячное задание, заявил, что идет делать замеры для игры в кольца, и больше уже не появлялся. Женщины, как водится, работали энергично и добросовестно. Эркюль Пуаро последовал примеру хозяйки и рано улегся спать.

3

К завтраку Пуаро спустился в половине десятого. Завтрак был сервирован по-двоенному. Несколько горячих блюд на электромармите. Сэр Джордж подкреплялся по-английски плотно: яичница, бекон и почки. Миссис Оливер и мисс Бруис выбрали то же самое, только в несколько иных пропорциях. Майкл Уэйман съел целую тарелку холодной ветчины. Только леди Стаббс пренебрегла мясными блюдами, она похрустывала тоненьким тостом, запивая его черным кофе. На ней была широкая бледно-розовая шляпа, которая за утренним столом казалась совершенно нелепой.

Только что прибыла почта, и перед мисс Бруис высилась огромная пачка писем, которую она быстро раскладывала по отдельным стопкам. Письма для сэра Джорджа с пометкой «лично» она передавала ему. Остальные вскрывала сама и сортировала.

Для леди Стаббс было три письма. Два оказались со счетами, и она отбросила их в сторону. Вскрыв третье, она вдруг вскрикнула:

– Ой!

В этом ее «ой» прозвучал такой испуг, что все обернулись в ее сторону.

– Это от Этьена, – объяснила она. – От моего кузена. Он прибывает сюда на яхте.

– Позволь посмотреть, Хэтти. – Сэр Джордж протянул руку.

Она положила письмо на стол. Он развернул его и прочитал.

– Так этот Этьен де Суза, ты говоришь, кузен?

– Я думаю, да. Троюродный брат. Я его плохо помню... почти совсем не помню. Он был...

– Он был что, дорогая?

Она пожала плечами.

– Неважно. Все это было так давно. Я была маленькой девочкой.

– Естественно, ты не можешь его хорошо помнить. Но мы должны, конечно, как следует его принять, – с жаром сказал сэр Джордж. – Жаль, что именно сегодня праздник, но мы пригласим его на обед. Может, пусть денек-другой погостит у нас? Покажем ему наши места?

Сэр Джордж совершенно вошел в роль радушного сельского сквайра.

Леди Стаббс ничего не ответила, сосредоточенно разглядывая свою чашку.

Продолжился общий разговор, само собой, он касался исключительно праздника. Пуаро, однако, в обсуждении не участвовал, с интересом наблюдая за стройной экстравагантной хозяйкой. Ему очень хотелось знать, о чем она сейчас думает. Вдруг она взмахнула ресницами и метнула взгляд в его сторону. И взгляд этот был таким цепким и откровенно оценивающим, что он вздрогнул. Но как только ее глаза встретились с его глазами, в них появилась прежняя пустота. Однако холодная расчетливость и настороженность исчезли не до конца...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Девон (Девоншир) – графство на юго-западе Англии, на полуострове Корнуолл.

2

Эксетер – город на юге Великобритании, административный центр графства Девоншир.

3

Паддингтон – вокзал на северо-западе Лондона.

4

Не надо! (фр.)

5

«Хамбер» – тип вместительного легкового автомобиля с удлиненным кузовом.

6

Великолепно! (фр.)

7

Стратфорд-он-Эйвон – город в графстве Уорикшир, место рождения и смерти Уильяма Шекспира, на берегу реки Эйвон находится Королевский Шекспировский театр.

8

Торки – курортный город в Юго-Западной Англии, на южном побережье полуострова Корнуолл.

9

Плимут – крупный английский порт на южном побережье полуострова Корнуолл. Из Плимут-Хоу (Плимутского Ковша) отправились в Америку первые английские корабли.

10

Корнуоллский пирог – горячий жареный пирожок с начинкой из мяса, почек, картофеля и капусты.

11

Шедевров (фр.).

12

Крона – старинная английская серебряная монета; чеканилась с середины XVI в.; равнялась 5 шиллингам, или 1/4 фунта стерлингов.

13

Плебей – человек низкого происхождения. В Древнем Риме плебеями сначала называли одно из сословий свободного населения, не входившее в римскую родовую общину и не пользовавшееся политическими и гражданскими правами.

14

Кью – городок поблизости от Лондона, в котором находятся Сады Кью, популярное название Королевского ботанического сада. Городок же свое название получил от Кью-хауса, бывшего королевского поместья.

15

Сквайр – помещик.

16

Кальцеолярия – растения семейства норичниковых. Травы, полукустарники и кустарники с желтыми, оранжевыми, красными, фиолетовыми цветами.

17

Имеется в виду конец XVI в., когда Англией правила королева Елизавета I (1558-1603).

18

Доминион – в Британской империи самоуправляющаяся колония Великобритании. Доминионы имели собственные конституции и правительства, проводили политику, не всегда идентичную политике метрополии, по своему усмотрению организовывали хозяйство и внешнюю торговлю.

19

Магнолия – деревья или кустарники с крупными листьями и белыми ароматными цветами.

20

Рододендрон – вечнозеленые кустарники или небольшие деревья из семейства вересковых, с белыми и красными цветами.

21

Часовой гольф – малый гольф с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

22

Цикламен (альпийская фиалка) – травянистое растение семейства первоцветных, с крупными, ярко окрашенными лилово-розовыми цветками.

23

Почти дословная цитата из Евангелия от Луки (гл. 12, ст. 27).

24

Аскот – селение в графстве Беркшир, к западу от Лондона, получившее международную известность королевскими конными играми, начало которым было положено в 1711 г. На играх обязательно присутствует монарх со свитой и членами королевской семьи, а также собирается цвет лондонского высшего общества.

25

Вест-Индия – общее название островов и островков в Карибском море, Мексиканском заливе и прилегающих районах Атлантического океана.

26

Креол – потомок первых испанских и португальских поселенцев в Америке либо потомок испанца и индианки.

27

Бетси Тротвуд – персонаж знаменитого юмористического романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

28

Адюльтер – супружеская неверность.

29

Коммандос – диверсионно-десантные отряды (первоначально организованы в британской армии), а также бойцы этих отрядов.

Имеется в виду архитектурный стиль конца XIX в. Назван по имени правившей тогда в Великобритании королевы Виктории (1837–1901).

Спенсер Эдмунд (ок. 1552–1599) – поэт английского Возрождения, непревзойденный мастер во всех жанрах поэзии, заслуживший звание «поэта поэтов».

Кнехт – тумба на причале для закрепления швартового каната или троса.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/prichuda-mertveca-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)